

ные для прошлого состояния ростовского и новгородского говоров. Фонетические особенности, определяющие специфику ростовского говора, в настоящее время встречаются на центральных и восточных территориях изучаемого региона. Следует сказать, что в деревнях восточной части Кирилловского района эти черты встречаются с разной частотой в разных населенных пунктах. «Новгородские» черты, как правило, функционируют в речи жителей западной и центральной части. На центральных территориях Кирилловского района наблюдается некоторое наложение этих черт: в речи информантов можно услышать особенности произношения, характерные и для древнего ростовского и для древнего новгородского диалекта.

Уровень образования, активность общественной жизни, состав сельского населения (более образованный носитель языка), СМИ – все эти факторы влияют на процесс трансформации русских говоров, порождая фонетическую вариантность. Возникновение вариантов – естественное явление для любого живого языка, а вариативность – важное объективное свойство языковых единиц, отражающих развитие языковой системы.

Литература

1. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии / Р.И. Аванесов. – М., 1949.
2. Галинская, Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте / Е.А. Галинская. – М., 2002.
3. Горшкова, К.В. Историческая диалектология русского языка. – М., 1972.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Карты. – М., 1986. – Вып. 1.

5. Дурново, Н.И. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Н.И. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков // Труды МДК. – 1915. – Вып. V.

6. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 1970.

7. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М., 1999.

8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1999.

9. Михова, Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Михова. – Череповец, 2006.

10. Орлова, В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / В.Г. Орлова. – М., 1959.

11. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. – М., 1965.

12. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия / Сост. Ю.С. Азарх, Р.Ф. Касаткина, Е.Ф. Щигель. – М.; Бонн, 1991. – Ч. 1.

13. Теплова, В.Н. Звуки [л], [л'], [л''] на месте этимологического л твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров / В.Н. Теплова // Очерки по фонетике севернорусских говоров. – М., 1967. – С. 153 – 176.

14. Теплова, В.Н. О неоглушении согласных на конце слова в говорах русского языка / В.Н. Теплова // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. – М., 1984. – С. 138 – 153.

15. Теплова, В.Н. Характер употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных в западных говорах русского языка / В.Н. Теплова // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 116 – 126.

16. Чайкина, Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю.И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975.

УДК 168.522

Н.В. Володина

ТЮТЧЕВ И ВЯЗЕМСКИЙ: ПОЗНАВАЯ ДРУГОГО, ПОЗНАЕМ СЕБЯ

Статья представляет собой монографический анализ стихотворения Ф.И. Тютчева «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять». Вектор анализа определен биографическим контекстом (взаимоотношения Ф.И. Тютчева и П.А. Вяземского), а также их творческими связями.

Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский, общие мотивы, поэтическое самопознание.

The article represents a monographic analysis of one of the poems by F.I. Tyutchev. Vector of the analysis is defined by biographical context (the relations between Tyutchev and Vyazemskiy), and their creative relations.

F.I. Tyutchev, P.A. Vyazemskiy, similar motives, poetic self-knowledge.

Отношения поэта с людьми (если эти люди сыграли определенную роль в его жизни), как известно, почти всегда оказываются для художника не только фактом биографии, но и творчества. Одним из таких фактов для Ф.И. Тютчева стала его дружба с П.А. Вяземским. Они встречались за границей еще в 1840-е гг., в период дипломатической службы Тютчева. Первая публикация стихотворений Тютчева в

«Современнике» осуществилась через посредство Вяземского. После возвращения Тютчева в Россию общение двух поэтов стало еще более тесным. Кроме взаимной склонности, этому способствовали определенные биографические обстоятельства. Они принадлежали разным поколениям: Вяземский родился в 1792 г., Тютчев – в 1803 г.; но оба прожили долгую (для русских поэтов) жизнь: Тютчев – 70 лет (скон-

чался в 1873 г.), Вяземский – 86 лет (он умер пять лет спустя, в 1878 г.); и во второй половине века оба чувствовали себя людьми одной исторической формации; того поколения, которое уже ушло в прошлое. В стихотворении 1864 г., обращенном к П.А. Плетневу и Ф.И. Тютчеву, Вяземский писал:

Вам двум, вам, спутникам той счастливой плеяды,
Которой некогда и я принадлежал,
Вам, сохранившим вкус, сочувствия и взгляды,
В которых наш кружок возрос и возмужал... [7, с. 414].

Д.Д. Благой в статье «Тютчев и Вяземский», рассматривая весь комплекс нравственно-психологических причин, сближающих Тютчева и Вяземского, отмечает также определенную общность их политических убеждений: «Оба они стояли как бы на некоторой особой – «третьей» позиции, столь характерной для представителей стародворянской интеллигенции» [1, с. 376]. Учитывая все эти обстоятельства, исследователь рассматривает литературное взаимовлияние двух поэтов, проявляющиеся в общности тем, образов, мотивов, взаимных реминисценциях. Однако в работе Д.Д. Благого не упоминается о стихотворении Тютчева, обращенном к Вяземскому и широко известному по первым двум строкам:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять... [6, с. 229].

Очевидно, это связано с тем, что оно не вписывается в контекст статьи Благого, анализирующей, прежде всего, творческие связи поэтов. Стихотворение же, о котором идет речь, является поэтическим откликом Тютчева на конкретные произведения Вяземского, которые важны для Тютчева не столько как литературное явление, сколько как факт биографии Вяземского, как поступок.

Непосредственным поводом к написанию стихотворения «Когда дряхлеющие силы...», как известно, послужили сатирические стихи Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленные против редактора «Русского Вестника» и «Московских ведомостей» М.Н. Каткова [3, с. 217] и вызвавшие неодобрительную реакцию Тютчева. А.И. Георгиевский (он был женат на сводной сестре Е.А. Денисьевой) передал эти стихи Каткову для напечатания и впоследствии, как вспоминает он сам, «они вошли во все издания стихотворений Тютчева под заглавием «Князю П.А. Вяземскому» [3, с. 217 – 218]. Однако в действительности это название отсутствует в большинстве изданий Тютчева (это вопрос текстологического характера), а само стихотворение (оно датируется 1866 г.) не было включено им в издание 1868 г. (ближайшее после написания). К.В. Пигарев объясняет это нежеланием поэта портить давние приятельские отношения с Вяземским [5, с. 429], хотя, как свидетельствуют современники, в 1860-е гг. эти отношения несколько разладились.

К.В. Пигарев, прокомментировав политический подтекст стихотворения, приходит к выводу, что «по своему объективному смыслу его содержание гораздо шире: оно является очень острой, хотя и кос-

венной характеристикой Вяземского в его отношении к молодым поколениям вообще» [5, с. 449 – 450]. Думается, что объективный смысл этого стихотворения является еще более развернутым и соотношен не только с Вяземским, но и с самим Тютчевым.

Форма личного местоимения (1 лицо мн. числа), несомненно, указывает на автора, его включенность в ситуацию: «мы», «нам», «нас». Кроме того, сама тема стихотворения, его ведущий мотив – наступающей старости – характерны для лирики Тютчева, причем, не только 1860-х гг.. Эта тема возникает в его стихах десятилетием раньше, прежде всего, в любовной лирике и связана со знаменитым «денисьевским» циклом:

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность
(«Последняя любовь») [6, с. 197].

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас
(«Лето 1854») [6, с. 199].

Для лирики Тютчева 1860-х гг. становятся характерны мотивы одиночества, тоски, скепсиса, тема утрат. Поэтому стихотворение «Когда дряхлеющие силы...» вполне вписывается в биографический и литературный контекст творчества Тютчева этого периода. Однако не менее значимо здесь и обобщение психологической ситуации. Запечатленный автором момент человеческой жизни – это чей-то (в том числе, его собственный) личный душевный опыт, включающий в себя архетипическую оппозицию «старого/нового». Не случайно тема молодого поколения вводится здесь с помощью фольклорного образа жизни – пира:

Где новые садятся гости
За уготованный им пир [6, с. 229].

Характер стихотворения определяется откровенным в своей беспощадности психологическим анализом внутреннего состояния, мироощущения человека, который стоит на пороге старости. Она еще не наступила, но чувства, связанные с ее приходом, герою стихотворения уже знакомы. Вопреки традиционному представлению о старости как олицетворению мудрости и внутреннего умиротворения, Тютчев создает совсем другой образ, несущий в себе угрозу нравственного распада личности. Он и является композиционным центром текста: занимает 2, 3, 4 строфы стихотворения, состоящего из пяти строф. Последняя подводит итог сказанному, приобретая характер текстового афоризма; первая вводит в ситуацию:

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать... [6, с. 229].

Эмоциональный тон стихотворения задан уже в первой строке эпитетом «дряхлающие», вместо ожидаемого – «слабеющие», и образом старожил, который в этом контексте становится хронотопом, где временной аспект совмещается с пространственным. В дальнейшем в тексте будет доминировать образ быстротекущего времени: «изменяющей жизни» (заметим, не «изменяющейся», а «изменяющей» нас); «обновляющегося мира» (внутренняя рифма, которая объединяет вторую и третью строфы); наконец, времени, ассоциирующегося (в четвертой строфе) с «потоком», несущим людей.

В начале стихотворения образ времени связан с мироощущением человека, осознающего свое место в сегодняшнем мире. Императив «должного» выглядит здесь не только как констатация факта (одно поколение слабеет и уходит, другое занимает его место), но и как горькое признание этой неизбежности. В связи с этим первая строфа оформлена как придаточное времени (с оттенком причинности), а все стихотворение в целом представляет собой одно предложение, где главное выглядит как ряд перечислений (анафора «от»), завершающихся в последней строфе итоговым: «ото всего». При этом каждое новое определение оказывается более развернутым, осложненным, чем предыдущее. Что же включает в себя итоговое «все», вызывающее авторскую тревогу? Это произнесенные слова: «малодушные укоризны» и «клевета» (именно они названы первыми), а еще более – затаенные чувства: «озлобление», «злость», «желчь», «сварливый старческий задор». Прием аллитерации используется именно для обозначения этих понятий, связывая их в единый образ.

В молодости Тютчев писал:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи [6, с. 126].

У человека, приближающегося к закату жизни, чувства приобретают иной характер и потому вызывают у лирического субъекта стихотворения «Когда слабеющие силы...» не любованье, а страх. И все же они еще не овладели душой человека, и само их осознание и «наименование» – попытка избежать их экспансии. Поэтому перечень этих чувств предваряется авторским обращением:

Спаси тогда нас, добрый гений [6, с. 229].

Трудно сказать, что стоит за этим обращением. Во всяком случае, в других стихах Тютчева его мольба о помощи обращена к Богу (ср.: «Пошли, Господь, свою отраду...», «О Господи, дай жгучего страданья», «Впусти меня! – Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!...»). Очевидно, сам предмет просьбы не позволяет здесь обращаться к Богу, ибо, в конечном итоге, это просьба спастись от самого себя. Но сакральный оттенок в этом обращении, возможно, присутствует: не возникает ли в

сознании поэта образ ангела-хранителя? Главное – в его просьбе звучит надежда на избавление от того душевного недуга, опасность которого столь ощутима для героя стихотворения. Это надежда на помощь «доброе гения», надежда на собственные внутренние силы, наконец, возможно, подсознательная надежда на то, что жизнь всегда оставляет человеку способность любить. И хотя мотив любви получает как будто отрицательную коннотацию, благодаря заключительному параллелизму:

И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор [6, с. 229], –

не это чувство вызывает осуждение автора. Более того, контекст лирики Тютчева показывает, сколь животворящим остается это чувство для героя его поздней лирики. За три года до смерти, в 67 лет, Тютчев пишет:

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...
.....
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!... [6, с. 247].

Это звучит почти «пушкински»:
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь [4, с. 290].

Пушкин в тридцатилетнем возрасте, не зная, что он не доживет даже до сорока, написал:

И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной [4, с. 154].

У Тютчева возникает близкий образ – последней любви, которая ассоциируется с вечерней зарей, но он уже биографически мотивирован – появляется у пятидесятилетнего человека:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней! [6, с. 197].

Тютчев сам пережил ту гамму чувств, которые приходят вопреки возрасту, пережил как драму и как дар судьбы; и потому он мог сохранять надежду на спасение от душевной старости.

Иной характер мотив наступающей старости приобретает в стихах Вяземского. Уже в конце 1850-х гг. в его поэзии возникает образ «усталой и недужной» души, которую желанья страшат, для которой прошлое более реально, чем настоящее. Названия многих стихов 1860 – 70-х гг. передают этот эмоциональный тон его лирики: «Грусть», «Былое», «Горе», «Друзьям», «Бессонница», «Поминки», наконец, «Эпитафия себе заживо». Цитируем стихотворе-

ние, проникнутое чувством абсолютной безнадежности и религиозного скепсиса:

Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество! Я жажду:
От смерти только смерти жду [2, с. 362].

Однако в этих и других стихах Вяземского нет тех чувств, о которых пишет Тютчев в стихотворении, к нему обращенном. И это еще раз доказывает, что стихи Вяземского, вызванные конкретной журнальной и политической ситуацией, были лишь поводом для поэтического самоанализа, самопознания Тютчева, для погружения в те роковые бездны человеческой души, которые всегда так привлекали его, пугали своей непредсказуемостью, но и позволяли верить в животворную силу таящихся в них чувств.

УДК 821.161.1

Л.В. Гурленова

Э. ЛИМОНОВ О ЛИТЕРАТУРЕ («ЭТО Я – ЭДИЧКА»)

Изучаются суждения Э. Лимонова о характере русской литературы XX – XXI вв., круге близких ему авторов, о понятии «жестокий реализм», об андеграунде и «самиздате», о назначении литературы и роли писателя.

Эмигрантская тема, постмодернизм, андеграунд, история и теория литературы, литературный герой.

This article deals with E. Limonov's ideas about the nature of Russian Literature of the XX – XXIth centuries and considers the circle of authors who share his ideas, such notions as "cruel realism", "underground" and "samizdat", as well as the function of Literature and the role of the writer.

Emigrant theme, postmodernism, underground, history and theory of literature, literary hero.

Изучение прозы Э. Лимонова на сегодняшний день – актуальная проблема литературоведения, так как художественные тексты писателя, издававшиеся с 1979 г., до сих пор продолжают находиться вне поля активного научного исследования. Сначала его имя по понятным причинам не могло быть включено в литературный процесс советского времени. Лимонов, во-первых, был диссидентом, во-вторых, в его первом и наиболее известном романе, который сам автор считает лучшим в своем творчестве, – «Это я – Эдичка» (Нью-Йорк, 1976, опубликован в Париже в 1979 г., в России без купюр – 1990 г.) содержались многочисленные натуралистические сцены; первое не согласовывалось с идеологическими, а второе – с эстетическими принципами советской литературы. С конца 1980-х гг. в русской литературе начали развиваться тенденции, уже выраженные в романе Э. Лимонова. Тем не менее, в литературной жизни России и конца XX – начала XXI в. Лимонов остается персоней нон-грата.

Данный роман – самое содержательное в художественном отношении произведение Лимонова. Следует заметить, что оно является частью разножанрового прозаического комплекса. Так, «Это я – Эдичка» вместе с романом «Подросток Савенко» и повестью «Молодой негодяй» образуют автобиографиче-

Литература

1. *Благой, Д.Д.* Тютчев и Вяземский / Д.Д. Благой // Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней. – М., 1979. – Т. 1.
2. *Вяземский, П.А.* Сочинения: в 2 т. / П.А. Вяземский. – М., 1982. – Т. 1.
3. *Георгиевский, А.И.* Тютчев в 1862 – 1866 гг. / А.И. Георгиевский // Ф.И. Тютчев в документах, статьях, и воспоминаниях современников. – М., 1999.
4. *Пушкин, А.С.* Собр. соч.: в 8 т. / А.С. Пушкин. – М., 1967. – Т. 2.
5. *Тютчев, Ф.И.* Лирика: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М., 1966. – Т. 1.
6. *Тютчев, Ф.И.* Полн. собр. стихотворений / Ф.И. Тютчев. – Л., 1957.
7. *Ф.И. Тютчев* в документах, статьях и воспоминаниях современников. – М., 1999.

скую трилогию (с учетом текста «У нас была Великая Эпоха» – тетралогия). При этом названные произведения построены по близким художественным принципам, которые были опробованы сначала в романе «Это я – Эдичка», а затем в форме вариаций на тему реализованы в последующих произведениях. В результате образовалась характерная для постмодернизма форма – метатекст, ядро его образует роман «Это я – Эдичка». Э. Лимонов реализовал в своем романе зарождающийся в отечественной прозе постмодернизм как новую форму художественного сознания. Примерно в это же время публикуются за границей произведения, также возвестившие об эпохе постмодернизма, – «Москва – Петушки» В. Ерофеева (1973) и «Школа для дураков» С. Соколова (1976).

Содержание романа «Это я – Эдичка» концентрируется вокруг четырех главных тем, среди которых и тема литературы, шире – искусства. Она представляется тем более важной, что на нее мало кто из критиков обращает внимание, ее отодвигает во второстепенные слои текста эпатажность любовной темы. Так, А. Орлова даже называет этот роман эксгибиционистским [2, с. 3], тогда как на самом деле текст романа пронизан рассуждениями на тему литературы и изобразительного искусства и орнаментирован